

Ю.Н. Литвиненко

САТРАП ПТОЛЕМЕЙ И СОСТРАТ КНИДСКИЙ: ЗАХВАТ МЕМФИСА*

Согласно античной традиции, в 323 г. до н. э. произошел первый раздел империи Александра Македонского, в результате которого Птолемей, сын Лага, получил в сатрапию Египет и соседние территории Аравии и Ливии¹. Источники немногословны относительно обстоятельств Вавилонского раздела, в частности, они умалчивают, почему Птолемею достались именно эти области² и почему он фигурирует первым в приводимых «списках» сатрапов из числа бывших «маршалов» македонского царя³. Предполагается, что царский регент Пердикка передал (об этом говорит Диодор: XVIII. 3. 1; 6. 4) самую лучшую и богатую сатрапию Птолемею, поскольку тот входил в круг ближайших сподвижников Александра, особенно на последних этапах Восточного похода⁴, хотя и не лишено оснований, но двойственная позиция Птолемея во время противоборства сторонников и противников единой империи⁵ застав-

* Начало см. Литвиненко Ю.Н. Сострат Книдский, Птолемей и захват Мемфиса: проблема датировки // ВДИ. 1998. № 1. С. 152–159

¹ *Arr. De rebus succ. Alex.* 5 (далее – *Arr. Succ.*); *Curt.* X. 10. 1; *Diod.* XVIII. 3. 1; *Just.* XIII. 4. 10.

² Версия, что Египет был выбран Птолемеем по той причине, что еще во время египетского похода Александра он будто бы сумел оценить стратегические выгоды местоположения этой сатрапии (см. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 37), кажется малоубедительной, поскольку неизвестно, участвовал ли Птолемей в этом походе (см. Литвиненко. Ук. соч. С. 156. Прим. 23; ср. O'Brien J.M. Alexander the Great. The Invisible Enemy. L. – N.Y., 1992. P. 91). Попутно замечу, что восходящие к античности (*Isocr.* *Busir.* 12–13; *Diod.* I. 30–31; *Strabo.* XVII. 1. 21; *Arr. Anab.* III. 5. 7 и др. – см. ниже) представления о природной укреплённости Египта и его труднодоступности для завоевателей на практике опровергаются самой историей этой страны, только на протяжении I тыс. до н. э. попадавшей под власть эфиопов, нубийцев, ливийцев, ассирийцев, персов, греков и римлян.

³ Это определение заимствовано мною из книги: Heckel W. The Marshals of the Alexander's Empire. L. – N.Y., 1992, посвященной просопографии военачальников армии Александра Македонского.

⁴ Об участии Птолемея в Восточном походе см. Seibert J. Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios' I. München, 1969. S. 1 ff.; Heckel. *Op. cit.* P. 222–227. Птолемей становится заметной фигурой в македонском войске скорее всего лишь после прихода Александра в Персию. Арриан (*Anab.* III. 25. 7) пишет, что Александр приблизил к себе Птолемея после казни Филоты осенью 330 г. до н. э., назначив его своим телохранителем (ср. однако: *Arr. Anab.* III. 6. 5–6, где приводится информация, позволяющая предполагать, что данного титула Птолемей был удостоен еще до битвы при Иссе в 333 г. до н. э.). Особенно его роль возрастает во время среднеазиатского и индийского походов (см. 8-ю и 9-ю книги «Истории» Курция Руфа и 4-ю книгу «Анабасиса» Арриана). К концу Восточного похода Птолемей, по-видимому, входил в десятку наиболее близких Александру офицеров (*Arr. Anab.* VI. 28. 4; VII. 4. 6), хотя вряд ли принадлежал к числу его фаворитов (ср. *Ael. Var. Hist.* XII. 16).

⁵ Несмотря на то что Птолемей одним из первых выступил на войсковом собрании против попытки Пердикки узурпировать власть и первым высказался в пользу коллегиального управления империей, в дальнейшем он вместе с Леоннатом и всадниками из числа «знатнейших юношей» занял сторону Пердикки в столкновении с предводителем пешего войска Мелеагром, хотя и не принимал в этом конфликте активного участия (*Curt.* X. 6. 5–15; 7. 16 sqq.). В ходе борьбы за власть летом 323 г. до н. э. между Пердиккой и Мелеагром, закончившейся поражением последнего, Птолемей скорее всего занимал выжидательную позицию и лишь после окончания конфликта приступил к более решительным действиям, восстав, как утверждает Павсаний (I. 6. 2), против сторонников передачи царства Филиппу III Арридею.

ляет усомниться в логичности решения Пердикки⁶ и даже ставит под вопрос справедливость самого высказывания Диодора. Распределение на сатрапии «завоеванной копьем» мировой державы едва ли проходило по заранее написанному сценарию – без войн и конфликтов, неминуемых при разделе власти. Война, начатая Александром в 334 г. до н.э., не закончилась с его смертью в Вавилоне. О нежелании диадохов поддерживать раздел империи «сверху» недвусмысленно говорит Курций Руф на последних страницах своей «Истории»: «Некоторые думали, что провинции были распределены согласно завещанию Александра, но эта молва, хотя и принятая некоторыми писателями, по нашей проверке, оказалась ложной. После разделения империи на части каждый охранял накопленное им богатство в расчете, что когда-нибудь будет поставлен предел чрезмерным домогательствам. Дело в том, что незадолго до этого слуги царя под предлогом завоевания чужих царств по отдельности захватывали огромные пространства без всяких причин для войны, поскольку все жители там принадлежали к одному племени и были отделены от других границами своего царства. Но трудно было довольствоваться тем, что предоставлял случай; когда претендуешь на большее, первое попавшее кажется неприглядным. Поэтому всем казалось, что лучше самим расширять пределы своих владений, чем получать то, что имелось» (X. 10. 5–8)⁷. В этой связи вызывает сомнение не только мирный, легитимный характер первого раздела империи Александра, но и сам факт его проведения в соответствии с некими «списками», упоминаемыми позднейшими античными авторами. Более реалистичной представляется картина спонтанного, самочинного захвата сатрапий полководцами Александра – захвата, начатого еще при жизни царя и спровоцировавшего последующие войны диадохов за передел наспех поделенной мировой державы⁸.

Еще в меньшей степени известно об обстоятельствах прихода Птолемея в Египет и установления им там своей власти, поэтому любая дополнительная информация по данному вопросу приобретает особую значимость. В своей предыдущей статье, посвященной проблеме датировки приводимого Лукианом (Hirr. 2) эпизода о взятии Мемфиса Состратом Книдским, я попытался показать связь этого эпизода с событиями конца 323–322 г. до н.э. вызванными появлением в Египте Птолемея и его столкновением с Клеоменом из Навкратиса. Рассматриваемый отрывок, и в этом, на мой взгляд, его историческая ценность, позволяет говорить, что захват Птолемеем Египта был вовсе не бескровным и легким, но сопровождался применением военной силы – вопреки основанному на сообщении Диодора (XVIII. 14. 1–2) распространенному еще со времен И. Дройзена мнению о «мягком» характере этой оккупации⁹. В настоящей статье я вновь обращаюсь к данному эпизоду, на этот раз – с целью воссоздать историческую картину упоминаемого Лукианом события.

Приход Птолемея в Египет в 323 г. до н.э. представляется логическим завершением службы этого македонского офицера у Александра. Вполне вероятно, что план захвата одной из лучших сатрапий Птолемей тайно вынашивал еще в Вавилоне – его стратегия военачальника и политика всегда отличалась продуманностью, расчетливостью

⁶ Так, уже в конце 322 г. до н. э. – спустя чуть больше года после Вавилонского раздела – Пердикка выступил из Киликии в поход на Египет (*Diod. XVIII. 25. 6*; ср. *Arr. Succ. 5*, где говорится, что Пердикка, якобы повинувшись приказу Филиппа Арридея, был вынужден поставить во главе сатрапий тех, кого подозревал в заговоре).

⁷ Цит. по: Квинт Курций Руф. История Александра Македонского / Пер. с лат. В.С. Соколова и А.Ч. Козаржевского. М., 1993.

⁸ См. *Curt. IV. 1. 27*: попытки самочинного захвата полководцами Александра отдельных сатрапий Ахеменидской державы наблюдались уже в самом начале Восточного похода; *Iust. XIII. 4. 10–24*: перечислив около 30 военачальников и приближенных Александра, участвовавших в разделе его империи, Юстин делает вывод, намекающий на случайный, отчасти авантюрный характер этой акции: *haec divisio veluti fatale minus singulis contigisset, ita magna incrementorum memoria plurimis fuit*.

⁹ Дройзен И.Г. История эллинизма. Т. 2. СПб., 1997. С. 48.

и осторожностью¹⁰. Этим замыслам предшествовал Восточный поход, во время которого подготавливался плацдарм для дальнейшего восхождения к вершине власти: оттачивались навыки дипломата-царедворца¹¹, накапливался опыт по ведению разведывательных, боевых и военно-технических операций¹², формировался свой отряд¹³, создавалась материальная база – в виде награбленной на войне добычи¹⁴ – для содержания собственного войска. Возможно, Птолемей одним из первых приступил к реализации своих замыслов по дележу наследства Александра, подав тем самым пример остальным диадохам. Не потому ли его имя – первое в «списках» наследников?

У нас нет данных о том, какими силами располагал Птолемей, придя в Египет. По словам Диодора (XVIII. 14. 1–2), Птолемей начал вербовать наемников и формировать армию после того, как завладел египетской казной, насчитывавшей 8000 талантов – иными словами после упоминаемого Лукианом захвата Мемфиса и упоминаемой Павсанием (I. 6. 3) расправы над Клеоменом. Однако вряд ли можно было овладеть хорошо укрепленным городом¹⁵, не располагая собственным войском¹⁶ и, что особенно важно для проведения военных операций в специфических условиях Нильской долины (большая река, сложная ирригационная инфраструктура, болота, соседствующие с пустыней), не имея под рукой опытных в военном деле специалистов. Как сообщает Диодор, в стратегии Птолемея, по крайней мере на начальных этапах его правления, большую роль играл личностный фактор – новый сатрап первым делом окружил себя «толпой друзей» (XVIII. 14. 2), союзников и лично преданных ему людей (XVIII. 28. 6; 33. 4–5), получивших впоследствии привилегированный статус «царских друзей»¹⁷. Среди них особое место занимали интеллектуалы: подобно Александру Македонскому Птолемей (а затем и его сын Птолемей Филадельф) охотно привлекал на службу специалистов в области военного дела, техники, строительства, точных и прикладных наук – об этом убедительно свидетельствует просопография раннептолемеевского двора¹⁸. Скорее всего именно во время захвата Египта и последующей подготовки к отражению вторжения Пердикки, когда Птолемию пришлось преодолевать сопротивление Клеомена, а затем укреплять страну оснащенными «всяческой военной техникой» (βέλεισι παντοδατοῖς) гарнизонами (Diod. XVIII. 33. 3), в круг его приближенных мог попасть военный инженер Сострат Книдский – одна из наиболее знаменитых и одновременно загадочных фигур эпохи первых Птолемеев¹⁹.

¹⁰ Бенгтсон. Ук. соч. С. 41.

¹¹ Arr. Anab. IV. 8. 9; 13. 7; Curt. VIII. 1. 45, 48; 6. 22; IX. 6. 15.

¹² Arr. Anab. II. 11. 8; III. 29. 7; IV. 16. 2; 21. 4; 23. 3; 24. 10, 39; 25. 2 sqq.; 29. 1 sqq.; Curt. III. 9. 7; VIII. 10. 21; 13. 18 sqq., 23, 27; 14. 15; IX. 10. 6–7.

¹³ Arr. Anab. III. 18. 9; 29. 7; Ind. 18. 5; Curt. III. 9. 7; VII. 10. 11.

¹⁴ Curt. IX. 10. 6–7; Diod. XVII. 104. 5–6.

¹⁵ О военном гарнизоне в Мемфисе накануне прихода в Египет Птолемея см. Литвиненко. Ук. соч. С. 158 сл.; о мемфисском гарнизоне в птолемеевскую, римскую и византийскую эпохи см. Thompson D.J. Memphis under the Ptolemies. Princeton, 1988. P. 16, 82 ff., 269 f.; Calderini. Diz. s.v. Μέμφις. № 1.

¹⁶ Так, один из участников Восточного похода, Аминта, сын Антиоха, предавший Александра и бежавший после битвы при Иссе в ноябре 333 г. до н. э. на Кипр, а оттуда – в Египет, где он добрался до Мемфиса и осадил там персидский гарнизон, имел с собой войско, насчитывавшее 4 тыс. человек (Curt. IV. 1. 29–33; ср. Arr. Anab. II. 13. 2–3, где говорится о восьмидесятичной войске Аминты).

¹⁷ Просопография Л. Морена (Mooren L. The Aulic Titulature in Ptolemaic Egypt. Brussel, 1975. № 1–8) насчитывает восемь дошедших до нас имен «царских друзей» Птолемея I, включая Сострата Книдского, который сохранил этот титул и при Птолемеи II, но нет сомнений, что в действительности их было больше; см. Weber G. Dichtung und höfische Gesellschaft. Die Rezeption von Zeitgeschichte am Hof der ersten drei Ptolemäer. Stuttgart, 1993. S. 133 ff.; ср. S. 139 f. – автор ошибочно причисляет Сострата Книдского к φίλοι лишь Птолемея Филадельфа.

¹⁸ См. PP. VI. P. 212 ss. Из интеллектуального окружения первых двух Птолемеев отметим архитектора Динохара (=Динократа), военных конструкторов и изобретателей Дионисия Александрийского и Ктесибия, математиков и астрономов Евклида, Конона Самосского и Тимохара, инженера Феникса; см. также Weber. Op. cit. S. 136. Anm. 6; S. 137 f. Anm. 5; S. 146 f. Anm. 6.

¹⁹ Как правило, с именем Сострата Книдского связывают: 1) строительство Фаросского маяка в Алек-

Несмотря на значительность дел, совершенных Состратом из Книды, сыном Дексифана, точные даты и подробные факты его жизни и карьеры нам не известны, вследствие чего нельзя с уверенностью говорить, что во всех представленных источниками случаях (Сострат-архитектор, Сострат – сановник и дипломат, Сострат-инженер) речь идет об одном и том же лице²⁰. В первую очередь, это касается двух упоминаний имени Сострата без патронима и этника²¹: у Секста Эмпирика (*Adv. gramt.* I. 276) и в афинском декрете 270/69 г. до н. э. в честь Каллия из Сфетта²². В обоих случаях говорится о Сострате – царском посланнике²³, причем лишь в последнем из них упоминаемые события имеют датировку (286–285 гг. до н. э.)²⁴, тогда как из анекдота Секста Эмпирика вообще не ясно, о каком времени и чьем посольстве идет речь²⁵. Происходящие из Дельф и с Делоса эпиграфические памятники, в которых Сострат Книдский предстает либо как строитель или посвяtitель (FD. III. 1. 299; Choix. 23, 24), либо как устаиваемый почестей птоломеевский сановник (Choix. 21, 22), в основном датируются 80–70-ми годами III в. до н. э.²⁶ и, таким образом, хронологически сопоставимы с афинским декретом, упоминающим о дипломатической миссии некоего Сострата, которого Птолемей I послал осенью 286 г. до н. э. в осажденные Афины для посредничества в переговорах афинян с Деметрием Полиоркетом. Данное обстоятельство позволяет со значительной степенью вероятности отождествлять птоломеевского посланника Каллиева декрета с Состратом Книдским²⁷, концом карьеры которого следует считать скорее всего 70-е годы III в. до н. э., а началом – с учетом предлагаемой мною датировки захвата Мемфиса при сатрапе Птолемеи – 323 г. до н. э.²⁸ Восходящая к П. Пердризе и до сих пор встречающаяся у исследователей идея о том, что расцвет карьеры Сострата Книдского приходится на эпоху Птоле-

сандрии, «висячей площадки» (*palis ambulationis*) в Книде и, возможно, каких-то сооружений в Дельфах: 2) дипломатическую деятельность – прежде всего, успешное проведение переговоров с Антигоном (Одноглазым или Гонатом?) и Деметрием Полиоркетом; 3) захват Мемфиса в результате «поворота и разделения Нила»; см. *Mooren*. *Op. cit.* P. 56 f.

²⁰ Ср. *Lenschau Th.* // *RE. Suppl.* VII. Kol. 1221 f. № 4b; *Olshausen E.* *Prosopographie der hellenistischen Königsgesandten. Teil I.* Louvain, 1974. S. 35. № 21, 1; *Clayton P.A., Price M.J.* *The Seven Wonders of the Ancient World.* L. – N.Y., 1988. P. 144 f.

²¹ Имя «Сострат» (*Σωστράτος*) – весьма распространенное в греческой ономастике эллинистического Египта. Так, просопграфия папирусного «архива Зенона», датируемого серединой III в. до н. э., насчитывает свыше десятка человек с этим именем (P. L. Bat. XXI. P. 423 f.); о распространенности этого имени в греческой эпиграфике см. *Amandry P.* *Dédicaces delphiques* // *BCH.* 1940–1941. 64–65. P. 63; *A Lexicon of Greek Personal Names* / Ed. P.M. Fraser, E. Matthews. I–III. Oxf., 1987–1997. s. v. *Σωστράτος* (свыше 350 упоминаний).

²² *Shear T.L.* *Kallias of Sphettos and the Revolt of Athens in 286 B.C.* // *Hesperia. Suppl.* XII. Princeton, 1978. P. 22–25.

²³ Ср. *Olshausen*. *Op. cit.* S. 26, 35 f.

²⁴ *Shear*. *Op. cit.* P. 99.

²⁵ Ср. *OGIS.* I. 66. Not. 1; *Heinen H.* *Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr.* Wiesbaden, 1972. S. 196 f.; *Hammond N.G.L., Walbank F.W.* *A History of Macedonia.* III. Oxf., 1988. P. 294 f., 598. Not. 3.

²⁶ Ср. *Fraser P.M.* *Two Hellenistic Inscriptions from Delphi* // *BCH.* 1954. 78. P. 61.

²⁷ Ср. *Shear*. *Op. cit.* P. 23 ff.; *Buraselis K.* *Das hellenistische Makedonien und die Ägäis.* München, 1982. S. 94; *Hammond, Walbank*. *Op. cit.* P. 231; *Habicht C.* *Athen in hellenistischer Zeit. Gesammelte Aufsätze.* München, 1994. S. 140 f.; *Hölbl G.* *Geschichte des Ptolemäerreiches.* Darmstadt, 1994. S. 25 f.

²⁸ *Литвищенко*. Ук. соч. С. 156 слл. Свидетельства о более ранних этапах жизни и деятельности Сострата Книдского в источниках не встречаются. Плиний Старший (NH. XXXIV. 51) сообщает о скульпторе Сострате, современнике Александра Македонского и Лисиппа, однако у него скорее всего речь идет об афинском мастере Сострате, сыне скульптора и художника Эвфранора (см. комм. Г.А. Тароняна к изд.: Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М., 1994. С. 288. сл. Комм. 5). Историки похода Александра упоминают некоего Сострата (*Curt.* VIII. 6. 7–8), или Сострата, сына Аминты (*Arr. Anab.* IV. 13. 3), одного из участников «заговора пажей» (*Berve H.* *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage.* München, 1926. Bd II. № 738). Даже если предположить, что его патроним – выдумка Арриана, совершенно исключена какая-либо связь этого персонажа с Состратом Книдским.

мея П²⁹, едва ли может быть признана убедительной, поскольку все известные датированные эпизоды этой карьеры, включая «центральный» – строительство знаменитого маяка³⁰, совпадают в основном с эпохой Птолемея I.

Если в старых работах о Сострате Книдском его архитектурный и инженерный таланты не подвергались сомнению³¹, то в позднейшей литературе – под влиянием аргументов П. Фрэзера, приведенных в его фундаментальном труде³², – наметилась тенденция рассматривать Сострата прежде всего как влиятельного и богатого птолемеевского придворного и покровителя, на средства которого были построены маяк в Александрии и, возможно, общественные здания в Книде и Дельфах. Не ставя здесь перед собой задачу исследовать проблему авторства Фаросского маяка и других архитектурных сооружений, которые античная традиция связывает с именем Сострата Книдского, остановлюсь на проблеме: *Сострат Книдский – инженер*, также оспариваемой английским историком³³, и поэтому вновь обращаюсь к свидетельству Лукиана (Hipp. 2) о «повороте и разделении» Нила под Мемфисом. Несмотря на то что Лукиан недвусмысленно относит «повернувшего» воды реки Сострата Книдского – наряду с Архимедом, Фалесом и Эпеем – к числу тех «достойных удивления инженеров, которые, будучи прославленными теоретиками, оставили после себя также и память о своем мастерстве и практических делах»³⁴, П. Фрэзер, комментируя данный эпизод, видит в нем лишь «описание военной операции, за которую, возможно, каким-то образом отвечал Сострат, но вовсе не мирной инженерной деятельности»³⁵. Подобный

²⁹ В конце XIX в. П. Пердризе, полемизируя с более ранними исследователями, склонными считать Сострата Книдского современником эпохи диадохов, целиком относил его к эпохе эпигонов (*Perdrizet P. Sostrate de Cnide architecte du Phare // REA. 1899. I. 4. P. 261 ss.*). Единственный источник, ссылаясь на который, историки могут относить дипломатическую активность Сострата Книдского к позднейшей эпохе соперничества в Эгиде Птолемея Филадельфа и Антигона Гоната, в частности ко времени после Косского морского сражения (*Heichelheim F. // RE. Suppl. VII. Kol. 1221 f. № 11a; Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. I–III. Oxf., 1972. II. P. 53 f. Not. 121; Buraselis. Op. cit. S. 166 f.*), – уже упомянутый рассказ Секста Эмпирика о посольстве Птолемея к Антигону – нельзя считать надежным свидетельством, поскольку описываемые в нем события можно датировать эпохой и Птолемея II, и Птолемея I (*Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten. I–III. Gotha, 1893–1903. II. S. 131. Anm. 2; Sextus Empiricus. In Four Volumes. IV / Ed. R.G. Bury. L. – Cambr. (Mass.), 1945. P. 157. Not. d; Olshausen. Op. cit. S. 35 f. № 21. Anm. 5–6, 13–14*), и даже Птолемея III (ср. OGIS. I. 66. Not. 1). Если все же допустить, что анекдот повествует об успешных переговорах Сострата Книдского с Антигоном Гонатом, состоявшихся сразу после морского боя при Косе в 262 или 256 г. до н. э. (ср. *Tarn W. Antigonos Gonatas. Oxf., 1913. P. 386 f.* – посольство к Антигону датируется английским историком 244 г. до н. э.), то с учетом начала карьеры Сострата Книдского в 323 г. до н. э. к тому времени ему должно было исполниться по меньшей мере 80–90 лет – не слишком ли преклонный возраст для птолемеевского дипломата?

³⁰ *Fraser. Ptolemaic Alexandria. I. P. 20; II. P. 52 ff. Not. 117 ff.* Большинство исследователей полагает, что строительство маяка приходится на время правления Птолемея I, и лишь окончание этого строительства – на первые годы царствования Птолемея II (помимо вышеуказанной работы П. Фрэзера см. *Thiersch H. Pharos. Antike, Islam und Occident. Ein Beitrag zur Architekturgeschichte. Lpz – B., 1909. S. 32; Breccia E. Alexandria ad Aegyptum. Bergamo, 1922. P. 107; Wilamowitz-Moellendorf U. Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos. B., 1924. Bd I. S. 154; Clayton, Price. Op. cit. P. 143*). Тот факт, что строительство грандиозного маяка скорее всего продолжалось несколько десятилетий, возможно, объясняет различные датировки этого сооружения у Суды (с. v. Фарос – 297 г. до н. э.) и Евсевия (*Chron. ad Olymp. 124.1 – 283/2 г. до н. э.*).

³¹ *Perdrizet. Op. cit. P. 261; Boaché-Leclercq A. Histoire des Lagides. P., 1903. I. P. 120. Not. 1; P. 122. Not. 1; Thiersch. Op. cit. S. 31 ff.; Heichelheim. Op. cit. Kol. 1221 ff.* – последний автор, ссылаясь на коптскую традицию (Иоанн Никиусский), сообщающую о том, что отец Сострата, Дексифан, был одним из александрийских зодчих (ему приписывают строительство Гептастадия – дамбы, соединившей Фарос с городом, – см. *Thiersch. Op. cit. S. 39*), полагает, что Сострат происходил из потомственной семьи книдских архитекторов.

³² *Fraser. Ptolemaic Alexandria. I. P. 18 ff.; II. P. 44 ff.*

³³ *Ibid. II. P. 50 f. Not. 111.*

³⁴ *Luc. Hipp. 2: τῶν μηχανικῶν ἐκείλους δέξινος θαυμάζειν, ὅποσοι ἐν τῇ θεωρίᾳ λαμπροὶ γυνομένοι καὶ μὴ μόνον ὁμῶς τῆς τέχνης καὶ πράγματα τοῖς μετ' αὐτοὺς κατέλιπον.*

³⁵ *Fraser. Ptolemaic Alexandria. II. P. 51.*

аргумент, ставящий под вопрос роль Сострата-инженера, нельзя принимать всерьез (я не говорю уже о сомнительной, на мой взгляд, датировке П. Фрээрером этого эпизода³⁶) при рассмотрении интересующей нас проблемы. О какой «мирной инженерной деятельности» может идти речь применительно к эпохе, когда греческий инженерный гений служил по преимуществу войне?

Бесспорно, Восточный поход Александра способствовал росту престижа профессии военного инженера в эллинистическом мире. С того самого момента, когда молодой царь, возомнив себя «новым Ахиллом», метнул с корабля копье в землю Трояды, «приставленный к машине человек» (ὄς ἐπί μηχανῆ τεταμένως), этот «новый Эпей», стал заметной фигурой в греко-македонском войске – достаточно обратиться к описанию похода таким профессиональным знатоком военного дела, как Арриан³⁷. Античная традиция сохранила несколько имен военных инженеров и тесно связанных с ними строителей³⁸, участвовавших в походе Александра, это – конструкторы Диад и Харий, ученики фессалийца Полиида, главного военного мастера при дворе Филиппа П³⁹, саперы Кратес и Горгос⁴⁰, архитекторы Аристокл и Динократ⁴¹. В их (а также их анонимных собратьев по ремеслу) ведении находились метательные машины и всевозможные осадные приспособления (их сборка, транспортировка, установка и эксплуатация)⁴², они отвечали за проведение земляных работ при подготовке к штурму крепостей (сооружение валов, насыпей и плотин, рытье рвов и подкопов и т.д.)⁴³, осуществляли техническое обеспечение переправ через реки (наведение мостов, сооружение плотов, сборка и разборка судов, установка метательных машин на плотках и на берегу и т.д.)⁴⁴, руководили строительством лагерей, крепостей и городов, вошедших в историю под именем «Александрий». Будущие диадохи и цари, «маршалы» Александра могли на практике оценить значение военной ἐμπειρία, неудивительно, что и в дальнейшем, в обстановке «войны всех против всех», эллинистические правители не теряли интереса к военному искусству и военной технике, о чем свидетельствуют как их личные достижения в этой области (Эвмен, Деметрий Полиоркет, Пирр), так и деятельность при их дворах (прежде всего при птолемеевском) выдающихся механиков, инженеров и конструкторов (Дионисий Александрийский, Дамис из Мегалополя, Исидор из Абидоса, Ктесибий, Филон Византийский, Архимед и др.), благоприятствовавшая общему подъему военно-инженерного дела в начале эллинистической эпохи⁴⁵. В эту череду мастеров, обслуживавших военные нужды диадохов, вполне вписывается

³⁶ См. Литвиненко. Ук. соч. С. 153. Прим. 8, 9.

³⁷ Например: *Arr. Anab.* I. 23. 6; II. 19. 6; 21. 1; 26. 2 и др.

³⁸ На эту связь указывает встречающаяся у античных авторов подмена понятий μηχανικός, τέχνης (инженер, мастер) и ἀρχιτέκτων (зодчий, строитель): так, Диодор (XIV. 48. 3) называет военных инженеров Дионисия Сиракузского «архитекторами» (ср. *Vitruv.* X. 16. 3, 4, 10), у Псевдо-Каллисфена (I. 31) руководивший закладкой Александрии Клеомен из Навкратиса назван μηχανικός, а у Юлия Валерия (I. 25) – architectus.

³⁹ *Berve.* Op. cit. II. № 267, 821; *Marsden E.W.* Greek and Roman Artillery. I–II. Oxf., 1969–1971. I. P. 58.

⁴⁰ *Berve.* Op. cit. II. № 237; *Garlan Y.* Recherches de poliorcétique grecque. P., 1974. P. 209 (автор называет Кратеса «инженером-гидравликом», однако у Диогена Лаэртского (IV. 23) он известен как ταφρώροχος – «руководитель окопных работ»; ср. [*Callisth.*] I. 31, где сообщается, что Кратес участвовал в строительстве Александрии).

⁴¹ *Berve.* Op. cit. II. № 249; *Garlan.* Op. cit. 209; Плиний Старший. Естественное знание. Об искусстве. С. 848.

⁴² *Berve.* Op. cit. I. S. 155 ff. Чтобы оценить разнообразие осадных машин и приспособлений в армии Александра, следует обратиться, помимо «Анабасиса» Арриана, к XVII книге Диодора (9. 6; 22. 3, 5; 24. 1, 4; 42. 7; 43. 4, 7; 45. 2; 46. 1–3; 98. 4).

⁴³ *Arr. Anab.* I. 20. 8–9; II. 18 sqq.; 26. 1–4; IV. 2. 2; 21. 4; V. 24. 4; VI. 7. 4–6; *Curt.* IV. 6. 21–23; VII. 6. 23; IX. 8. 13–14 и др.

⁴⁴ *Arr. Anab.* I. 6. 8; III. 7. 1–2; 18. 10; 29. 2–4; IV. 4. 4; V. 3. 5; 7; 8. 1, 4–5; 11–13; 20. 8–10; VI. 1. 1; 14. 4; 15. 1; *Curt.* III. 7. 5; IV. 9. 12; VII. 9. 2–9; VIII. 10. 3, 30–31 и др.

⁴⁵ См. *Marsden.* Op. cit. I. P. 58 ff.; II. P. 6 ff.; *Garlan.* Op. cit. P. 207–211; *Hornblower J.* Hieronymus of Cardia. Oxf., 1981. P. 189, 197 ff.; *Рожанский И.Д.* История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М., 1988. С. 289 слл.

Сострат Книдский, местом инженерных «экспериментов» которого стал Египет времен Птолемея Лага. Но прежде чем перейти к рассмотрению самого раннего из приписываемых Сострату деяний – его «стратегемы» по захвату Мемфиса, я попытаюсь обрисовать тот общий исторический и географический фон, на котором могло произойти интересующее нас событие.

Восточный поход Александра Македонского изменил не только географические представления древних греков об ойкумене⁴⁶, но и само их отношение к открывшемуся им новому миру: от рассказов о нем отдельных путешественников – к его массовой колонизации. В истоках этой перемены лежал сугубо военный, силовой фактор: покоря на своем пути города, народы и царства, греко-македонские воины преодолевали естественные преграды, захватывали и по возможности осваивали (или, напротив, разоряли) новые территории – словом, *покоряли* пространство. В описании похода Александра это «военное давление» на окружающую среду присутствует на каждом шагу: переправы через реки⁴⁷, переходы через горы, болота и пустыни⁴⁸, противоборство с морской стихией⁴⁹, штурм неприступных скал⁵⁰, разрушение городов и селений⁵¹, истребление людей⁵², уничтожение лесов и животных⁵³ и т.д. Именно тогда, во время восточной кампании, закладывались основы военно-колониальной психологии греков эллинистической эпохи. Первыми носителями и проводниками этой психологии были сам Александр и его военачальники, а также их ближайшее окружение. Думаю, что не последнюю роль в распространении новых идей о «варварском» мире и подходов к нему (у их истоков стояли греческие мыслители и идеологи IV в. до н.э.) играли интеллектуалы, имевшие опыт похода на «край света»: философы, историки, географы, первопроходцы-естествоиспытатели (ученик Аристотеля, Александр сам проявлял подобные наклонности, то же касается и его сподвижников⁵⁴), военные инженеры,

⁴⁶ По мнению Дж. Хорнблауэр (Hieronymus of Cardia. P. 86 f.), разделение мира на культурно-географические зоны «Запад» и «Восток» взамен старой ионийской схемы (эллинский центр и четыре варварских стороны света) или более поздней трехчастной (Европа – Азия – Ливия) карты мира впервые вводится в оборот как результат «конфронтационного» военного мышления участниками похода Александра и их современниками, например Иеронимом из Кардии.

⁴⁷ О трудностях переправы войска Александра через реки, а также речной навигации: *Arr. Anab.* III. 7. 5; IV. 5. 7–8; 23. 2; 25. 7; V. 4. 3; VI. 5. 1–4; 8. 8; 12. 2; *Curt.* IV. 9. 15–22; V. 3. 3; VII. 5. 17–18; 10. 15; VIII. 13. 6 sqq.; IX. 2. 1, 8; 4. 9–14; 9. 9 sqq.; *Diod.* XVII. 19. 3; 55. 3; 97; *Plut. Alex.* 16; 60 и др. (см также выше прим. 44).

⁴⁸ *Arr. Anab.* I. 27. 5–8; III. 3. 3–5; 17. 1–5; 18. 2–9; 23. 2 sqq.; 28. 4; VI. 6. 1, 3; 22. 3; 23. 1–3; 24–26; VII. 15. 3; *Curt.* III. 7. 6–7; IV. 7. 5–15; V. 3. 7–8, 16 sqq.; 4. 17 sqq.; 6. 12–15; VI. 4. 20; VII. 3. 6 sqq.; 4. 27–30; 5. 1 sqq.; VIII. 4. 3 sqq.; 11. 5 sqq.; IX. 1. 9 sqq.; 10. 8 sqq.; *Diod.* XVII. 67. 4–5; 68; 82; 104. 5; 105. 6–8; *Just.* XI. 8. 2; XII. 10. 7; *Plut. Alex.* 37; 42; 66.

⁴⁹ *Arr. Anab.* II. 18. 3 sqq.; *Curt.* IV. 2–4; *Diod.* XVII. 41–46.

⁵⁰ *Arr. Anab.* III. 30. 10–11; IV. 18. 5 sqq.; 21. 1 sqq.; 28 sqq.; *Curt.* VII. 11; *Diod.* XVII. 85; *Just.* XII. 7. 12–13; *Plut. Alex.* 58 и др.

⁵¹ *Arr. Anab.* IV. 2. 6; 23. 5; V. 24. 8; VI. 17. 1; *Curt.* IV. 4. 13; V. 6. 1 sqq.; 7. 3–10; VII. 5. 32–33; 6. 21, 23; VIII. 10. 6; IX. 4. 6–7. *Diod.* XVII. 40. 5; 70–72; 91. 4; 102. 5–6 и др.

⁵² *Arr. Anab.* I. 16. 2; 22. 3, 7; 28. 7; II. 11. 8; 24. 2–4; 27. 7; III. 14. 6; 17. 3, 5; 18. 9; 30. 11; IV. 2. 4, 6; 3. 4, 5; 4. 8; 6. 5; 22. 2; 23. 5; 24. 2; 30. 4; V. 17. 7; 18. 2; 24. 5; VI. 6. 3 sqq.; 7. 1 sqq.; 8. 3, 8; 11. 1 и др.

⁵³ *Arr. Anab.* IV. 21. 3; 30. 9; VII. 16. 1; 19. 4; *Curt.* IV. 2. 16, 18; 3. 9; V. 3. 7; VI. 5. 13–21; 6. 28–31; VII. 5. 34; VIII. 1. 11–19; 2. 23–24; 4. 11–12; 10. 8, 30; 11. 8; IX. 1. 4; *Diod.* XVII. 89. 4; *Strabo.* XVI. 1. 11 и др.

⁵⁴ Так, Александр и участвовавшие в его походе философ Каллисфен, флотоходец Непарх и географ Аристокл интересовались проблемой истоков Нила и причинами его ежегодных разливов: *Arr. Anab.* VI. 1. 2–5; *Strabo.* XV. 1. 19, 25; XVII. 1. 5; ср. *Curt.* IV. 7. 5 (во время египетского похода Александр сплавал из Мемфиса в Верхний Египет); 8. 3–4 (вернувшись из экспедиции к оракулу Аммона, Александр собирался посетить Эфиопию); *Lucan. Phars.* X. 272–275 (о неудачной экспедиции, посланной Александром в Эфиопию); см. также *Bonneau D. Liber Aristotelis de inundatione Nili.* Le Caire, 1964 (Extrait des Études de Papyrologie. T. IX). P. 21–23, 31, где приводятся сообщение Максима Тирского (XLI) о том, что Александр расспрашивал жрецов оракула Аммона об истоках Нила, а также комментарий к книге Аристотеля патриарха Фотия о посылке Александром экспедиции в горы Эфиопии для выяснения причин разливов Нила; *eadem. La cste du Nil.* P., 1964. P. 80; *Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander.* I. Oxf., 1980.

прокладывавшие путь в неведомые края. Эти люди в буквальном смысле слова выступали в роли «пионеров» того Востока, который историки нового времени назовут эллинистическим. Однако собственно колониционный этап истории эллинистического Востока (по крайней мере, отдельных его регионов) начнется чуть позже – после Трипарадисского мира в 320 г. до н.э. (если не битвы при Ипсе в 301 г. до н.э.), когда закончится этап начатых Александром завоеваний. Поход македонского царя, так и не успевшего покорить всю ойкумену⁵⁵, будет фактически продолжен его преемниками, правда в пределах уже завоеванного, но еще не до конца *покоренного* греками и македонянами пространства. Две египетские кампании – Птолея Лага и Пердикки – в течение первых трех лет после смерти Александра служат тому подтверждением.

Птолемей, вероятно, заранее подготовился к своему приходу в Египет. В пользу данного предположения косвенно свидетельствует тот факт, что с момента кончины Александра и до появления Птолея в долине Нила прошло, если верить ссылке И. Дройзена, основанной на приводимом у Евсевия сообщении Порфирия, о приходе в Египет Птолея не ранее ноября 323 г. до н.э.⁵⁶, как минимум четыре месяца. Если указанная дата верна, нельзя не отметить правильность решения нового сатрапа ступить на египетскую землю в тот момент, когда вода в Ниле уже шла на спад. Исход военной кампании здесь во многом зависел от сроков ее проведения, а их в свою очередь диктовала река.

Нил играл важную роль в военной истории Египта⁵⁷. Наряду с окружающими речную долину пустынями на западе и востоке, порогами и скалистыми горами на юге, морем с лишенным удобных гаваней берегом на севере, сама река, согласно античной традиции, служила Египту «вечной крепостью... неприступной и неодолимой для злоумышленников»⁵⁸. Данное риторическое сравнение Исократу нуждается в уточнении: Нил делал Египет особенно труднодоступным в период своего ежегодного разлива с июля по октябрь, когда долина реки, как пишет Страбон (XVII. 1. 4), превращалась в одно огромное озеро, над которым возвышались лишь острова поселений⁵⁹. Во время разлива Нила (образ, ставший хрестоматийным не только в литературе, но и в искусстве античности – вспомним знаменитую Палестринскую мозаику) военные действия в его долине (по крайней мере как они изображены в античной традиции⁶⁰) напоминали

Р. 263, где указана литература по данной теме. Кроме того, Александр пытался выяснить вопрос о природе Каспийского моря и с этой целью снарядил экспедицию Гераклида (*Arr. Anab. VII. 16. 1–4; Plut. Alex. 44*), интересовался (как и Птолемей Лаг) свойствами природной нефти: *Arr. Anab. IV. 15. 8; Plut. Alex. 35*. Наконец, Александр поручил Неарху и Онесикриту исследовать побережье Аравийского моря: *Arr. Anab. V. 5. 1; VII. 20. 9–10; Ind. XIX. 9 sqq.; Curt. IX. 10. 3; X. 1. 10–16*; а готовясь к аравийскому походу, снарядил разведывательные экспедиции Архия, Андросфена и Гиерона вдоль побережья Аравии: *Arr. Anab. VII. 19. 3–20. 8*; ср. *Strabo. XVI. 1. 11*.

⁵⁵ О планах Александра совершить поход на Запад: *Arr. Anab. V. 26. 2* (собирался покорить всю Ливию до Геракловых Столбов); VII. 1. 2–4; *Plut. Alex. 68; Diod. XVIII. 4. 4 и Curt. IV. 4. 18* (хотел отправить экспедицию против Карфагена, которому объявил войну сразу после взятия Тира в 332 г. до н.э.). Эта более поздняя традиция, однако, противоречит утверждению Полибия (I. 2. 5–7) о том, что «македоняне... не помышляли никогда о покорении Сицилии, Сардинии и Ливии» (цит. по изд.: Полибий. Всеобщая история / Пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко. Т. 1–3. СПб., 1994–1995).

⁵⁶ Дройзен. Ук. соч. С. 326. Прим. 19.

⁵⁷ В историографии эта тема остается практически неисследованной: за исключением небольшого раздела в замечательной книге Д. Бонно (*La cune du Nil. P. 74–80*), мне не известно ни одной специальной работы о военном-стратегической роли Нила в древности.

⁵⁸ *Isocr. Busir. 12–13: ἀνάνατῳ δὲ τελεῖται τῷ Νεῖλῳ τετελειωμένην, ὅς... ἀνάλωτος μὲν ὦν καὶ βύσμαχος τοῖς ἐπιβουλεύουσιν*; ср. *Diod. I. 31. 6: Ἡ μὲν οὖν Αἴγυπτος παρταχόμεν φυσικῶς ὠχύρωται*; *Auson. Ord. urb. пом. 4–5: «Эта (Александрия. – ЮЛ.) гордится, что Нил ей оплот, и в прикрытой долине расположила она свои плодородные нивы»* (цит. по: Поздняя латинская поэзия / Пер. с лат. М. Гаспарова. М., 1982).

⁵⁹ Ср. *Herod. II. 97; Diod. I. 36. 7–12; Achill. Tat. IV. 11–12* и др.

⁶⁰ См., например, описание Плинием Старшим (NH. XXXV. 40. 17) картины художника III в. до н.э. Неалка, изобразившего сражение персов и египтян на Ниле, которое скорее всего происходило во время

навмахии, и не всякий противник мог одолеть эту водную стихию⁶¹. Впрочем, в случае если пешее войско подкреплялось речной флотилией и было оснащено всем необходимым для ведения «сухопутных битв на воде» (*Achill. Tat.* IV. 14), разлив Нила мог быть даже на руку противнику⁶². Но в любом случае проведение военных операций в заболоченной речной долине, даже само продвижение армии по стране, пространство которой порой представляло причудливую картину единства суши и воды⁶³, требовало (не это ли требование порождало мнение античных авторов об особой труднодоступности Египта?) знания местных природных условий, режима реки, локальной топографии, маршрута войска. Не удивительно, что, приходя в Египет, завоеватели, как правило, расспрашивали его жрецов о географии страны и природе Нила.

Источники умалчивают о маршруте похода Птолемея на Мемфис. Однако можно попытаться восстановить этот маршрут (см. карту), опираясь на имеющиеся сведения об итинерариях других завоевателей, приходивших в Египет из Азии, тем более что все они стремились достичь Мемфиса примерно одним путем⁶⁴. Этот путь, существовавший, по-видимому, с древнейших времен⁶⁵, лежал через Восточную Дельту и начинался в Пелусии (совр. Телль-Фарама) – «восточных воротах» Египта⁶⁶. Этот стратегический пункт, расположенный в устье восточного рукава Нила, еще с эпохи фа-

---

разлива реки (ср. комм. Г.А. Тароняна к этому отрывку: Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. С. 596 сл.), а также *Diod.* XVI. 47. 6; *Virg. Georg.* III. 28–29; *Achill. Tat.* IV. 12, 14; *Heliod.* Aeth. IX. 3 sqq.

⁶¹ Как это случилось с полководцем Артаксеркса II Фарнабазом, который летом 373 г. до н.э. одержал победу в Дельте над Нектанебом I, но не смог продолжить наступление из-за начавшегося разлива (*Diod.* XV. 43); с Пердиккой во время его похода на Египет весной-летом 321 г. до н.э. (о чем подробнее см. ниже); с Антигоном Одноглазым и Деметрием Полиоркетом, когда они попытались высадиться в пелусийском устье Нила осенью 306 г. до н.э. (*Diod.* XX. 75–76); возможно, с Антиохом Великим, который, узнав, что Птолемей Филадельф в целях обороны «открывает каналы», отказался от похода на Египет в 219 г. до н.э. (*Polyb.* V. 62. 4–6).

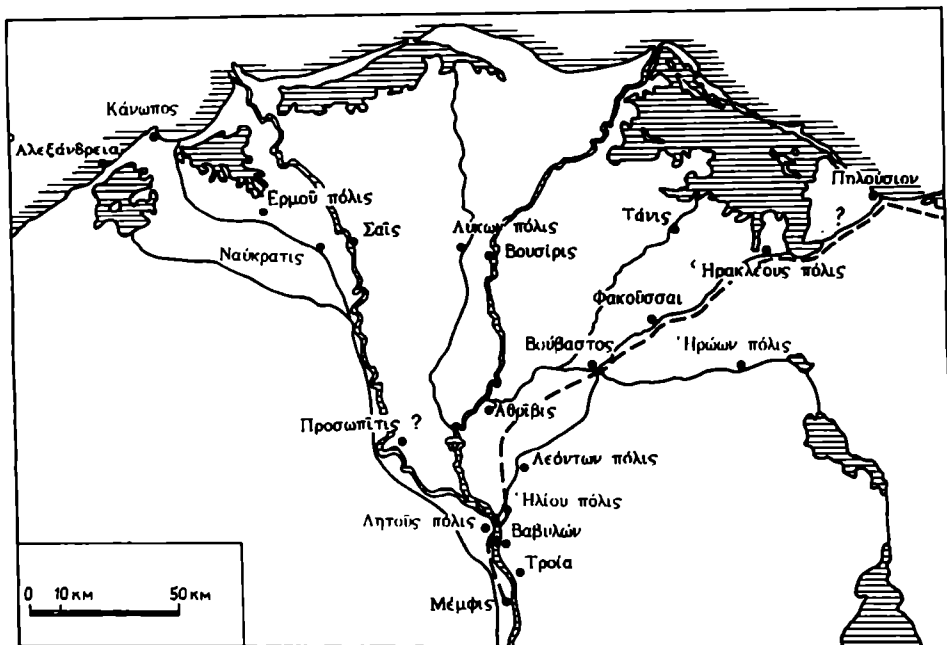
⁶² Так, нубийский царь Пианхи с помощью кораблей захватил Мемфис со стороны речной гавани во время паводка летом 730 г. до н.э., когда вода в Ниле поднялась до уровня крепостной стены (*ARE.* IV. 861, 863, 864); «эфиопский» царь Гидасп успешно использовал свою речную флотилию во время осады Сиены (*Heliod.* Aeth. IX. 5); см. также *Bonneau. La crue du Nil.* P. 75 ss.

⁶³ Эту особенность египетского пейзажа подметил александрийский автор II–III вв. Ахилл Татий (IV. 12): «Многоводный Нил является для них всем: и рекой, и землей, и морем, и болотом, и бывает невиданное зрелище – там можно видеть вместе корабль и мотыгу, весло и соху, руль и серп, пристанище моряков и земледельцев, рыб и быков. По чему ты плыл, то теперь засеваешь; а что засеваешь – это оказывается море возделываемое» (цит. по: Ахилл Татий Александрийский. Левкиппа и Клитифонт. М., 1925).

⁶⁴ В нашем распоряжении имеются данные античных авторов о походах на Египет Камбиса в 525 г. до н.э. (*Herod.* III. 10–13) и Артаксеркса III Оха в 350–349 или 343–342 гг. до н.э. (*Diod.* XVI. 46 sqq.), военачальника Аминты (*Arr. Anab.* II. 13. 2–3; *Curt.* IV. 1. 29–33), Александра Македонского (осенью?) 332 г. до н.э. (*Arr. Anab.* III. 1–3; *Curt.* IV. 7. 2 sqq.), Пердикки в 321 г. до н.э. (*Diod.* XVIII. 33–37). Важное значение имеют папирусные сведения, в частности, информация PSI. V. 543 о проходившем через Дельту караванном пути из Пелусии в Каноп. Для реконструкции стратегического пути на Мемфис также использованы данные географического и топографического словаря А. Кальдерини (*Calderini. Diz.*) и материалы карт, опубликованных в работах: *Gauthier H. Les nomes d'Égypte depuis Hérodote jusqu'à la conquête arabe.* Le Caire, 1935. Pl. V; P. L. Vat. XXI. Map. III (эта карта лежит в основе публикуемой здесь карты); *Orrioux C. Zénon de Caunos, parépidémos, et le destin grec.* P., 1985. P. 314. Fig. 11; *Thompson. Op. cit.* P. 2. Fig. 1; *Strabon. Le Voyage en Egypte. Un regard romain / Ed. J. Yoyotte, P. Charvet.* P., 1997. P. 281–282. Carte III B; IV, 1.

⁶⁵ Косвенным подтверждением этого предположения служит сообщение Диодора (I. 57. 1–5; см. *Burton A. Diodorus Siculus. Book I. A Commentary.* Leiden, 1972. P. 176) о легендарном фараоне Сесострисе, который предпринял ряд мер по укреплению обороноспособности Египта, включая возведение оборонительного вала, тянувшегося через Аравийскую пустыню от Пелусии до Гелиополя и, возможно, прикрывавшего дорогу на Мемфис (ср. *Diod.* XVI. 47. 7, где говорится о хорошей укреплённости прибрежной зоны пелусийского рукава Нила во время похода на Египет Артаксеркса Оха). Не исключено, что именно по этому пути «народы моря» доходили до Гелиополя и Мемфиса, см. *ARE.* III. 608, 610, 612, 613.

⁶⁶ Ср. *Herod.* II. 141. О Пелусии см. *Kees H. // RE.* 1937. Hlbd 37. Kol. 407–415; *Calderini. Diz.* s.v. Πηλούσιον. № 1; из последних работ назову комментированное издание Ж. Йойоттом и П. Шарве XVII книги Страбона: *Strabon. Le Voyage en Egypte...* P. 116, 120. Not. 240–244, 261–262.

Предполагаемый маршрут египетского похода сатрапа Птолемея в 323 г. до н.э.

раонов связывал Египет с Азией – через него проходили торговые трассы (сухопутная и морская)⁶⁷ в Восточное Средиземноморье. Ключевое положение Пелусия, откуда открывался проход в Дельту и к Мемфису, делало его мишенью многих захватчиков по меньшей мере со времен Позднего царства⁶⁸. Отсюда же египетские войска (особенно при Птолемеях) выступали в азиатские походы. Пелусийское устье и контролировавший его форт были хорошо укреплены⁶⁹, с восточной стороны крепость защищал канал (?), переправа через который представляла сложность для неприятельского войска⁷⁰, кроме того Пелусий окружали озера и болота, а к восто-

⁶⁷ Так, пелусийские «заведения для вяления и засола рыбы» и корабельные верфи упоминает Геродот (II. 15, 154). В середине III в. до н.э., когда уже функционировал александрийский порт, Пелусий оставался важным торговым и таможенным пунктом, см. папирусы Зенона: P. Cairo Zen. I. 59012; 59081; P. Col. Zen. II. 112. 2. Not.; PSI. V. 543 и др.

⁶⁸ Herod. II. 30 («стража» Псамметиха I против «арабов и сирийцев»); III. 10–11 (Камбис); Diod. XVI. 46. sqq. (Артахсеркс III); Curt. IV. 1. 29–30 (Аминта); Arr. Anab. III. 1. 1–3 и Curt. IV. 7. 2–3 (Александр Македонский); Diod. XVIII. 33. 1–3 (Пердикка); XX. 74 sqq. (Антигон Одноглазый и Деметрий Полиоркет); Polyb. V. 62. 4–5 (Антиох III); XXVIII. 18 и XXIX. 27. 1 (Антиох IV).

⁶⁹ Вряд ли система оборонительных укреплений Пелусия была создана в IV в. до н.э., как полагает Э. Босворт (A Historical Commentary... P. 261), опираясь, по-видимому, лишь на описание Диодором (XVI. 46. 5 sqq.) египетской кампании Артаксеркса III Оха. Во всяком случае, у Геродота (II. 141, 154) упоминаются «станы» (στράτοπεδα) в районе Пелусийского устья, где Псамметих I поселил первых ионийских и карийских наемников, которые при Амасисе были переселены в Мемфис (еще один аргумент в пользу существования оборонительной линии: Пелусий – Мемфис). В римскую эпоху пелусийская крепость была окружена стеной, о чем свидетельствует Страбон (XVII. 1. 21); см. также Curt. IV. 7. 2, где упоминается современный Курцию Руфу «стан Александра», расположенный, вероятно, на подступах к городу. Последние археологические раскопки выявили на месте древнего Пелусия следы греко-римских укреплений: Strabon. Le Voyage en Egypte... P. 116. Not. 240.

⁷⁰ См. Diod. XVI. 46 sqq.; XVIII. 33 sqq.; XX. 75 sqq., хотя из сообщений Диодора не ясно, идет ли речь о канале или о рукаве Нила. Имеющиеся в распоряжении карты также не проясняют данного вопроса, поскольку не только не обозначают упоминаемый в источниках канал (см., например: Sirabo. XVII. 1. 4, где говорится о канале близ Пелусия, наполняющем «два Болотных озера» к югу от города), но и существенно

ку от него простирались топи, затруднявшие проход в Египет армий завоевателей⁷¹.

Важнейшим после Пелусия пунктом на стратегическом пути в Мемфис был Бубастис⁷², куда можно было добраться как минимум двумя способами: либо «снаружи» Дельты, вдоль правого берега пелусийского рукава, либо «изнутри» Дельты, между ее пелусийским и танисским рукавами. Последний маршрут на отрезке: Пелусий – Гераклеополь Парва⁷³ – Факусса (совр. Факус) – Бубастис, вероятно, совпадал с караванным путем через Дельту, описание которого содержится в одном из папирусов Зенона (PSI. V. 543)⁷⁴, и скорее всего пользовался большей популярностью⁷⁵ по сравнению с проходившим по преимуществу через пустыню первым маршрутом⁷⁶. Однако во время паводка, когда «внутренний» маршрут делался труднопроходимым⁷⁷, предпочтение отдавалось походу через пустыню, как, вероятно, это случилось с Александром Македонским, чье прибытие в Египет (осенью?) 332 г. до н.э., по-видимому, совпало с разливом Нила в Дельте⁷⁸. Дополнительную сложность для продвижения армии по восточной окраине Дельты, вдоль левого берега пелусийского рукава, представляли: болота, высокая плотность населения в регионе, разветвленная сеть каналов и плотин, хорошая укрепленность береговой линии⁷⁹.

Следующим после Бубастиса ключевым пунктом на пути в Мемфис был Гелиополь⁸⁰ – дорога на него шла между пелусийским рукавом и каналом, тянувшимся от

разнятся между собой как в отношении расположения пелусийского рукава, так и локализации самого Пелусия, что, вероятно, обусловлено значительными – из-за регулярных разливов и речных наносов – изменениями речного русла и морской береговой линии.

⁷¹ *Diod.* I. 30. 4–9 (описание топей Баратр, в которых, по словам Диодора, «исчезали целые армии»); XVI. 46. 5 sqq. (гибель в болоте части войска Артаксеркса Оха); XX. 73. 3 (переход через Баратры армии Антигона Одноглазого); *Strabo.* XVII. 1. 21. Отметим также, что греческое название города Πηλοῖσιον, по всей видимости, происходит от πηλός – «грязь, топь, трясина».

⁷² Совр. Телль-Баста, в древности метрополия одноименного нома (*Strabo.* XVII. 1. 27), см. *Calderini.* Diz. s.v. Βούβαστος. № 1. Указания на возможное стратегическое значение Бубастиса как одной из крепостей на восточной оборонительной линии приводятся у Геродота (II. 137, 166), сообщающего о высоком местоположении этого города и о проживающих в его окрестностях войнах-каласириях, а также у Диодора (XVI. 49 sqq.), который упоминает о захвате Пелусия и Бубастиса войсками Артаксеркса Оха.

⁷³ Совр. Телль-Белим, древнеегипетский Сетроиc, метрополия соседнего с Пелусием Сетроиcского нома, см. *Calderini.* Diz. s.v. Ἡρακλέους πόλις. № 2, 3 (?).

⁷⁴ См. *Orrioux.* Op. cit. P. 105 f. В Бубастисе караванный путь через Дельту поворачивал на северо-запад, к Накратису и Канопу, а военная дорога продолжалась в юго-западном направлении, в сторону Мемфиса.

⁷⁵ Ср. *Kees.* Op. cit. Kol. 411; *Дройзен.* Ук. соч. С. 58.

⁷⁶ Нельзя, однако, исключать возможности того, что с изменением русла пелусийского рукава «внутренний» маршрут на некоторых участках пути становился «внешним» по отношению к Дельте (см., например, карту: *Gauthier.* Op. cit. Pl. V, на которой Пелусий, Сетроиc и Факусса локализованы, в отличие от других карт, на правом берегу пелусийского рукава).

⁷⁷ В одном из папирусов Зенона (P. Mich. Zen. 103. 3–8) приводится картина такого разлива в Западной Дельте, недалеко от Гермуполя Парва, лежащего на вышеупомянутом караванном пути в Каноп. В письме Зенону автор сообщает: «Мы стоим с верблюдами в [деревне] Нехтенибис и не можем спуститься к Гермуполю, так как открыто множество шлюзов, и повсюду разлита вода».

⁷⁸ Согласно Арриану (Anab. III. 1. 3), Александр шел из Пелусия до Гелиополя через пустыню, имея по правую руку Нил.

⁷⁹ См. *Strabo.* XVII. 1. 21; *Front.* II. 5. 6; *Diod.* XVI. 47. 7; 48. 3–4; XVIII. 33. 1 sqq. – в последнем случае следует отметить, что по пути в Мемфис Пердикка дважды пытался переправиться на левый берег пелусийского рукава: вначале, возможно, под Пелусием, хотя данное предположение спорно (см. ниже), а затем напротив некой Верблюжьей крепости, которую, если основываться на информации Диодора об одном вечернем и ночном переходе войска Пердикки, я бы локализовал на караванном пути между Гераклеополем Парва и Факуссой. Несмотря на то что во время этой второй попытки переправы разлив в пелусийском рукаве еще не начался, она оказалась безуспешной для Пердикки, который так и не смог преодолеть сопротивление птолемеевского гарнизона, находившегося в расположенной на противоположном берегу крепости.

⁸⁰ Гелиополь – совр. Араб эль-Хиши и пригороды Каира Аин-Шамс и Матария – крупный религиозный

верхушки Дельты и соединявшим Нил с Красным морем⁸¹. Через этот город жрецов бога Ра и обелисков, который занимал стратегическое положение, находясь у самого начала Дельты⁸² (данный район, по-видимому, был с давних времен основательно укреплен⁸³), прошли войска Камбиса (ср. Strabo. XVII. 1. 27) и Александра Македонского, переправившегося здесь через Нил (Агг. Анаб. III. 1. 3–4) и, следовательно, вошедшего в Мемфис⁸⁴ с севера, со стороны Летопольского нома⁸⁵. Армия противника могла подойти к Мемфису и с востока, пройдя от Гелиополя выше по течению по правому берегу Нила (как это сделал Пердикка – Diod. XVIII. 34. 6 sqq.), и, переправившись на другой берег, штурмовать мемфисские укрепления, в IV в. до н.э. выходившие прямо к реке⁸⁶. В последнем случае большую роль должен был играть флот нападавших, без которого захват египетской столицы становился проблематичным⁸⁷.

центр древнего Египта, метрополия одноименного нома (Strabo. XVII. 1. 27), см. Calderini. Diz. s.v. 'Ηλιου (πόλις). № 2. На пути между Бубастисом и Гелиополем находились Атрибис (Calderini. Diz. s.v. 'Ατρίβις. № 1), метрополия одноименного нома (локализация этого города на пути из Пелусия в Мемфис спорна: см. P. L. Bat. XXI. Map. III; Strabon. Le Voyage en Egypte... P. 281. Carte III B), и Леонополь (Calderini. Diz. s.v. Λεόντων πόλις. № 1; P. L. Bat. XXI. Map. III).

⁸¹ От Бубастиса (ср. Herod. II. 158) канал (совр. Исмаилия?) поворачивал на восток и по руслу Вади-Тумилат тянулся через Аравийскую пустыню в сторону Горьких озер и Аравийского (совр. Суэцкий) залива Красного моря, см. Strabon. Le Voyage en Egypte... P. 120–122. Not. 263–269; P. 281. Carte III B.

⁸² Наиболее подробное описание топографии Гелиополя и его окрестностей дает Страбон (XVII. 1. 27, 29–30). Замечу, что в этом районе, чуть выше по течению Нила, находилась священная крипта, «Дом разлива», где, по представлениям египтян, зарождался разлив Дельты и откуда брал свое начало древний канал (возможно, именно о нем идет речь в хрониках Позднего царства, см. ARE. IV. 266, 278, 394), владавший в Красное море, см. выше прим. 81, а также: Gauthier. Op. cit. Pl. V; Strabon. Le Voyage en Egypte... P. 124. Not. 279; P. 132. Not. 311, 313.

⁸³ По сообщению Страбона (XVII. 1. 27, 30), Гелиополь лежал на высоком холме (ср. ARE. IV. 870, где упоминается «песчаный холм» Гелиополя), а на противоположном берегу, в Летопольском номе, близ селения Керкесура, находилось «нечто вроде сторожевой башни», послужившей Евдоксу Книдскому «обсерваторией» для его астрономических наблюдений. На правом берегу Нила, чуть выше по течению, было расположено «сильное укрепление» Вавилон (совр. Фустат, старая часть Каира), основанное арамейскими колонистами во времена персидского владычества и просуществовавшее в качестве военной крепости вплоть до арабского завоевания, а южнее Вавилона – поселение Троя (совр. Тура), где, вероятно, тоже проживали военные поселенцы; см. Strabon. Le Voyage en Egypte... P. 132. Not. 311–313; P. 282. Carte IV. 1. Возможно, Пердикке пришлось переправляться через Нил напротив Мемфиса в неблагоприятный момент – когда уровень воды в Ниле стал подниматься скорее всего из-за начавшегося разлива (Diod. XVIII. 34 sqq.) – по той причине, что македонский военачальник не смог этого сделать раньше, ниже по течению, в оказавшемся неприступным (?) для него районе Гелиополя (ср. с информацией Диодора о том, что к Мемфису армия Пердикки продвигалась ночью в обстановке секретности).

⁸⁴ Мемфис находился на левом берегу Нила в 25–30 км к югу от излучины Дельты (Calderini. Diz. s.v. Μέμφις. № 1; ср. Strabo. XVII. 1. 31).

⁸⁵ См. Calderini. Diz. s.v. Αητοπολήτης. № 1; Thompson. Op. cit. P. 2. Fig. 1; Strabon. Le Voyage en Egypte... P. 282. Carte. IV. 1.

⁸⁶ По данным топографических и гидрологических исследований, в I тыс. до н.э. Мемфис находился на самом берегу реки. В течение последних двух тысячелетий русло Нила в этом районе значительно отклонилось к востоку, и сегодня развалины древнего города лежат примерно в 3 км западнее Нила, см. Thompson. Op. cit. P. 11–15. Fig. 2, 3.

⁸⁷ См. выше прим. 62: захват Мемфиса нубийским царем Пианхи; Thuc. I. 104: во время восстания ливийца Инара против Артаксеркса I в 460–459 гг. до н.э. часть Мемфиса была захвачена скорее всего со стороны реки афинским флотом, приплывшим на помощь Инару; Arr. Анаб. III. 1. 1–3: Александр Македонский, прибыв с войском и флотом в Пелусий, отправил корабли вверх по реке к Мемфису, а сам с войском пошел к Гелиополю (ср. Curt. IV. 7. 3–5: Александр, приказав армии войти в Пелусий, сам с отборным отрядом, без сопровождения обоза, поплыл (?) вверх по Нилу к Мемфису, а оттуда – «в глубь Египта»: ...pedestribus copiis Pelusium petere iussis ipse cum expedita delectorum manu Nilo amne vectus est... A Memphi eodem flumine vectus ad interiora Aegypti penetrat); Diod. XVIII. 33: расположившись лагерем под Пелусием, Пердикка попытался расчистить старый канал, однако прорыв плотины помешал ему завершить начатое дело и, как представляется, расстроил его планы ввести в пелусийское устье корабли, которые должны были сопровождать его во время похода на Мемфис. Пердикка был вынужден оставить свой флот

Сатрап Птолемей мог прийти со своим войском до Мемфиса по одному из вышеуказанных маршрутов еще поздней осенью 323 г. до н.э. – расстояние от Пелусия до египетской столицы примерно в 200 км (ср. Strabo. XVII. 1. 24, 31) можно было преодолеть за неделю (хотя нельзя исключать вынужденных остановок на пути). Наиболее предпочтительным выглядит предположение, что в Мемфисе Птолемей шел по маршруту Александра – даже если он и не участвовал в египетском походе 332–331 гг. до н.э., наверняка, будущий историк этого похода, он был о нем хорошо проинформирован. В этом случае войско Птолемея должно было подойти к Мемфису с севера по левому берегу Нила и приступить к военной операции по взятию города в конце ноября 323 г. до н.э.

Что собой представляла данная операция, какую роль в ней играл Сострат Книдский и в чем заключался смысл его «стратегемы», о которой вскользь упоминает Лукиан? В исследовательской литературе до сих пор нет ответа на этот вопрос в силу чрезвычайной лаконичности нашего единственного источника. Не надо забывать и о его вторичном характере: не исключено, что информация о захвате Мемфиса, почерпнутая Лукианом у кого-то из его современников или более ранних авторов, дошла до него в искаженном виде либо была вольно переосмыслена им самим. Тем не менее факт перед нами, и как *некий исторический факт* (в пользу его историчности свидетельствует не только контекст отрывка, в котором этот факт приведен⁸⁸, но и общий историко-географический фон, на котором могло произойти данное событие), он нуждается в интерпретации. Ниже я предлагаю свою (разумеется, в значительной мере гипотетическую) реконструкцию «мемфисского эпизода», опираясь при этом, наряду с сообщением Лукиана, на другие письменные источники, а также на данные топографии региона, без которых такая реконструкция была бы неполной.

По свидетельству Лукиана, Сострат Книдский, «вернув и разделив реку», помог Птолемею «без осады» завладеть Мемфисом (букв. «взял без осады Мемфис для Птолемея») ⁸⁹. Из этого сообщения следует, что, во-первых, «стратегема» Сострата Книдского, повлиявшая на исход операции, носила военно-инженерный характер, во-вторых, она была связана с Нилом, в-третьих, длительной осаде нападавшие предпочли штурм, который оказался успешным. Если рассматривать военную операцию под Мемфисом во временной последовательности, то в качестве ее основных этапов я бы выделил: переправу через Нил, подход к городу и его штурм. Учитывая, что в роли военного инженера, способного обеспечить успех операции, Сострат Книдский мог выступить на каждом из этих этапов, рассмотрим их по порядку.

Переправа через Нил. Переправа через реку – одна из часто встречающихся тем военной истории античности: достаточно обратиться к историкам похода Александра (см. выше прим. 44, 47) или «Стратегемам» Юлия Фронтинуса⁹⁰. Как показывают источники, переправа через реку была трудным, опасным и технически сложным делом, особенно в боевых условиях, при отсутствии мостов и надежных транспортных средств, а также если речь шла о горной или большой и многоводной реке. Нередко форсирование реки вброд было невозможным, и тогда либо возводились мосты (в некоторых случаях для этой цели использовался речной флот, если таковой имелся под рукой – см. Агг. Анаб. V. 7–8), либо сооружались плоты и меха, либо русло реки отводилось в сторону – и войско переходило через обмелевшее старое русло или входило по нему в осажденный город⁹¹. Само собой разумеется, во время подобных

под командованием Аттала в Пелусии (ср. *Diod.* XVIII. 37), что, вероятно, предопределило провал его египетской кампании. Версия И. Дройзена (ук. соч., с. 58), повторенная А.С. Шофманом (Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 73), о том, что Пердикка расчищал канал, чтобы переправиться через пелусийский рукав, кажется менее убедительной.

⁸⁸ Литвищенко. Ук. соч. С. 153 сл.

⁸⁹ *Лис. Нипр.* 2: τὸν Κιβιδίον Σώστρατον, τὸν μὲν Πτολεμαίῳ χειρωσάμενον (καὶ) τὴν Μέμφιν ἄνευ πολιορκίας ἀποστροφή καὶ διαίρεσει τοῦ ποταμοῦ.

⁹⁰ Например: I. 4. 8–10; 5. 1–4; II. 13. 5; III. 7. 4–5; IV. 7. 28.

⁹¹ См. *Herod.* I. 75 (переход Креза через Галис); *Herod.* I. 191 и *Xen. Сугор.* VII. 5 (захват Вавилона Киром

переправ возрастала роль технических подразделений войска и на первый план выступала фигура военного инженера.

Переправа через Нил бесспорно относилась к числу наиболее сложных – действительно, не просто преодолеть реку, ширина которой даже при «низкой воде» достигает в районе Мемфиса полукилометра и более. Масштабы Нила были основным и порой труднопреодолимым препятствием на пути вражеских войск. Не случайно, Артаксеркс III Ох, совершивший два похода на Египет (в 350 и 343 гг. до н.э.), оба раза, готовясь к ним, пытался «радикально», в духе Ахеменидов, решить проблему Нила: по сообщению, приписываемому Аристотелю, персидский царь, принимая за Нил то Инд, то Ганг (?), собирался повернуть великие индийские реки вспять и таким образом перекрыть истоки Нила, но, когда ему поведали о масштабах возможных катастрофических последствий этой затеи, отказался от нее⁹². Летом 321 г. до н.э. не смогла перейти Нил вброд прямо напротив Мемфиса армия Пердикки: во время переправы уровень воды в реке внезапно поднялся, и более 2000 человек утонуло или стало добычей крокодилов⁹³. Как правило, чтобы облегчить переправу, выбирались те места, где посередине Нила имелся остров: так было в случае Пердикки (Diod. XVIII. 34. 6–7)⁹⁴ и, вероятно, Александра, перешедшего Нил у Гелиополя – там, где река разделяется на рукава Дельты и образует острова (см. карту)⁹⁵, – и в дальнейшем практиковавшегося «островной десант» при форсировании труднопереходимых рек (например Гидаспа: Arr. Anab. V. 11–13). Так должно было случиться и во время похода Птолемея Лага, если, конечно, верно предположение, что к Мемфису сатрап шел по маршруту Александра⁹⁶. Что касается возможной роли Сострата Книдского при этой переправе, то она вряд ли заключалась в строительстве плотины через Нил, как полагает Ф. Хайхельхайм⁹⁷, или отводе в сторону русла реки, величина которой не позволяла осуществить такие сложные и трудоемкие проекты. На этом этапе военной операции Сострат скорее всего мог выступить в роли конструктора моста через один или оба разделяемых островами рукава Нила⁹⁸, а позднейшая античная традиция

Великим); *Front.* III. 7. 4, 5 и *Polyaen.* VII. 6. 5; VIII. 26 (захват Вавилона Семирамидой и Александром Македонским). Впрочем, к рассказам об отводах русел рек следует относиться с осторожностью, поскольку эти рассказы могли быть навеяны не связанными с деятельностью человека природными феноменами, см. *History of Herodotus in Four Volumes. I* / Ed. G. Rawlinson. L., 1875. P. 201. Not. I (характерно, что сам Геродот скептически относится к истории о Фалесе Милетском, который помог Крезу перейти через Галис); Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. М., 1993. С. 508. Прим. 138 (по мнению комментатора, описание Геродотом осады Вавилона скорее относится ко времени Дария I, который захватил город в декабре 522 г. до н.э., когда уровень воды в Евфрате был самым низким); см. также *Arr. Anab.* IV. 3. 1–2, где говорится о том, как войско Александра вошло в Кирополь по руслу пересохшей естественным образом реки, протекавшей через город, и ср. это сообщение Арриана с описанием стратегемы Александра под Вавилоном у Фронтинна и Полиена.

⁹² [Arist]. *De inund. Nil.* 6; ср. *Herod.* I. 189 (Кир II «наказывает» реку Гинд); VII. 35 (Ксеркс «бичует» Геллеспонг).

⁹³ *Diod.* XVIII. 34–36. По всей видимости, переправа Пердикки совпала с началом разлива Нила, приходящимся в этом районе на июль (сам Диодор, пытаясь объяснить причины такого внезапного подъема воды, в частности, говорит о дождях в верховьях Нила), хотя нельзя исключать и другие возможные причины, на которые указывает историк: открытие шлюзов канала где-то выше по течению, углубление русла реки, из-за того что при переправе конницы, слонов и многочисленного пешего войска с речного дна было поднято огромное количество песка и ила.

⁹⁴ См. *Thompson.* *Op. cit.* P. 12, 14–15. Fig. 3.

⁹⁵ Ср. *Calderini.* *Diz. s.v. Αἰγυῖος ἕρσιος*; *Thompson.* *Op. cit.* P. 2. Fig. 1; Strabon. *Le Voyage en Egypte...* P. 281. Carte III B.

⁹⁶ Впрочем, если бы Птолемей решил переправиться в другом месте, он скорее всего сделал бы это напротив Мемфиса, где также находился остров, через который чуть позже попытался совершить переправу Пердикка.

⁹⁷ *Heichelheim.* *Op. cit.* Kol. 1221 f. № 11a.

⁹⁸ Ср. *Arr. Anab.* III. 6. 1, где говорится о постройке моста, по которому армия Александра перешла «через Нил и все каналы близ Мемфиса» на обратном пути из Египта весной 331 г. до н.э. Об умении Сострата Книдского строить мосты, возможно, свидетельствует информация Плиния Старшего (NH. XXXVI.

могла интерпретировать данный факт как «разделение реки» Состратом Книдским.

Подход к Мемфису и его штурм. Картину приближения птолемеевского войска к Мемфису и его последующего захвата нельзя воссоздать без учета данных о топографии города и его окружи. Вкратце рассмотрим их, опираясь на выводы работы Д. Томпсон, в которой на основе письменных и археологических данных подробно рассматривается топография города в птолемеевскую эпоху⁹⁹. Развалины древнего Мемфиса (совр. Мит-Рахина) занимают слегка возвышенный участок площадью 1,5 × 3 км, расположенный в Нильской долине шириной 3–3,5 км и вытянутый вдоль реки с юга на север. В 4 км к западу – северо-западу от города, на краю пустыни, на крутой песчаной платформе высотой 30–50 м находятся царский некрополь Саккары и храмовый комплекс Серапейона. От некрополя Мемфис был отделен древним каналом Фчет (совр. Бар-Либеини)¹⁰⁰, превращавшимся во время паводков в сплошное озеро (так называемое «озеро Фараона»), по которому из города можно было доплыть на лодке прямо до некрополя и дальше – «мимо пирамид» – до самой Дельты (ср. Herod. II. 97). Кроме этого магистрального канала в окрестностях Мемфиса насчитывалось несколько других крупных каналов, а также озер, локализуемых в основном к югу и северо-западу от города¹⁰¹. От наводнений город был защищен высокими (до 6 м) дамбами, тянувшимися параллельно реке – их общая длина достигала около 5 км. На востоке Мемфис граничил непосредственно с Нилом и был укреплен стеной, служившей как для обороны, так и защиты от сильных паводков. Примерно в полукилometре от восточной стены, посреди Нила, находился достаточно большой остров (Пердикка планировал сделать его плацдармом для нападения на Мемфис). Напротив острова и несколько южнее на левом берегу реки располагались порт, таможня, речная стража и нилометр. Планировка Мемфиса имела четко выраженную двухчастную структуру: бóльшая по территории южная сторона с ее центральным сооружением – храмом Птаха, вокруг которого локализовались городская площадь, торговоремесленные и жилые кварталы, где проживали египтяне, а также выходцы из Восточного Средиземноморья и Передней Азии (сирийцы, финикийцы, персы) и меньшая северная сторона с ее административно-дворцовым комплексом и цитаделью, примыкавшими с севера греческим и карийским кварталами и царским парком. Цитадель была укреплена каменной (?) стеной (вероятно, отсюда – название цитадели: «Белая крепость/стена», которое иногда давалось всему городу) и могла выдерживать длительные осады¹⁰². Жилые кварталы Мемфиса также были окружены стенами из сырца-кирпича и земляными валами, а роль внешних городских фортификаций, помимо крепостных стен, возможно, играли уже упомянутые защитные дамбы.

Как видно из этого топографического описания, подступы к Мемфису и сам город были защищены природными и искусственными препятствиями, которые требовалось

83) о постройке этим архитектором «висячей площадки для прогулок в Книде» (см. Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. С. 131, 747. Прим. 2).

⁹⁹ Thompson. Op. cit. P. 10–20.

¹⁰⁰ Этот канал был фактически продолжением существовавшего с глубокой древности знаменитого Бар-Юсуфа, тянувшегося вдоль западной границы долины Нила от Асьюта до Фаюмского оазиса, см. Orrioux. Op. cit. P. 108 s. Возможно, он упоминается как «западный канал» Мемфиса в относящемся к эпохе Рамзесов III и IV (XX династия) папирусе Харрис (ARE. IV. 338).

¹⁰¹ Ср. Strabo. XVII. 1. 32. О древней и сложной ирригационной инфраструктуре мемфисской долины свидетельствует рассказ Геродота (II. 99) об истории основания города «первым египетским царем» Мином. Ссылаясь на жрецов, Геродот сообщает, что Мемфис был построен на месте, образовавшемся при осушении старого русла Нила: легендарный фараон с помощью плотины, возведенной в 100 стадиях (около 20 км) к югу от города, якобы повернул реку в сторону (действительно, чуть выше по течению Нил делает заметный поворот на восток). В то же время Мин окружил город с севера и запада озером, наполняемым ильмой водой по специально проведенному к нему каналу.

¹⁰² ARE. IV. 805, 859, 861; Herod. III. 13, 91; Thuc. I. 104; Diod. XI. 74. 4.

преодолеть, прежде чем приступить к его осаде или штурму. Характер военных действий здесь зависел не только от того, с какой стороны (суши или реки) велось наступление на город (для его полной блокады противник должен был располагать, помимо сухопутного войска, речной флотилией), но и сроков кампании (во время разлива Нила в июле – сентябре Мемфис становился более уязвимым со стороны реки, чем суши)¹⁰³. Принимая во внимание, что Птолемей скорее всего должен был подойти к Мемфису по суше с севера, как это сделали до него Аминта¹⁰⁴ и Александр Македонский, и отдавая предпочтение гипотезе о штурме птолемеевским войском городских укреплений лишь со стороны суши, поскольку нет никаких данных, которые бы говорили в пользу того, что по прибытии в Египет Птолемей располагал собственным речным флотом, попытаемся воссоздать примерную картину военной операции и показать, какую роль мог в ней сыграть Сострат Книдский.

В конце ноября, когда, как отмечалось выше, войско Птолемея должно было достичь Мемфисского нома, уровень воды в Ниле уже шел на спад, однако вода еще стояла на полях¹⁰⁵, и подступы к Мемфису с севера и запада были, вероятно, затруднены. Прежде чем приблизиться к городским дамбам и стенам, Птолемею предстояло пройти по частично затопленной долине и на ближайших подступах к городу осушить территорию, требуемую для разбивки лагеря и подготовки к штурму мемфисских укреплений. Упоминания о подобных подготовительных работах при осаде других египетских городов и крепостей встречаются у Фукидида¹⁰⁶, Диодора¹⁰⁷ и в «Розеттском декрете» в честь Птолемея V Эпифана¹⁰⁸. Как видно из этих сообщений, осаждавшие обычно осушали необходимое для их маневров пространство посредством отвода воды из каналов или регулировки в них ее уровня с помощью шлюзов. Данные работы, связанные с ирригационными сооружениями, требовали определенных технических навыков¹⁰⁹, и нет ничего невероятного в том, что за их проведение мог отве-

¹⁰³ Единственное подробное описание военной операции по захвату Мемфиса содержится в датированной VIII в. до н.э. «Стеле Пианхи». Вначале нубийский царь высадился со своим войском на севере от Мемфиса, но обнаружив, что с суши город хорошо укреплен, Пианхи решил штурмовать его со стороны речной гавани, где из-за высокого уровня воды в Ниле у находившихся там кораблей «носовые канаты были привязаны к домам». Захватив с помощью своей флотилии гавань и стоявшие в ней суда, Пианхи распорядился выстроить все корабли вдоль речной стены и с них атаковать город (ARE. IV. 861, 863, 864).

¹⁰⁴ На это намекает сообщение Курция Руфа (IV. 1. 30–31) о том, что Аминта, подойдя к Мемфису со стороны Пелусия, разбил выступивших навстречу персов и запер их в городе, а сам поставил под городом лагерь и начал «опустошать поля».

¹⁰⁵ Естественной задержке воды в озерах и каналах способствовало образуемое неравномерным отложением ила постепенное понижение нильской долины к западу и востоку от реки, см. *Alleaume G. Les systèmes hydrauliques de l'Égypte pré-moderne. Essai d'histoire du paysage // Mélanges offerts au père Maurice Martin s.j. / Ed. Ch. Décobert. Le Caire. 1992. P. 303 ss.*

¹⁰⁶ *Thuc.* I. 109. 3–4: в 456 г. до н.э. полководец Артаксеркса I Мегабиз изгнал из Мемфиса эллинских воинов, участвовавших в восстании Инара, и запер их на острове Просопитида, расположенном в юго-западной части Дельты (*Calderini. Diz. s.v. Προσωπίτις*). В течение полутора лет Мегабиз осаждал эллинов, пока не осушил канал, отделявший Просопитиду от рукава Дельты, после чего перешел с войском на остров и захватил лагерь эллинов.

¹⁰⁷ *Diod.* XVI. 49. 1–4: в 350 (343?) г. до н.э. фиванец Лакрат, командир одного из отрядов армии Артаксеркса Оха, отвел в сторону воду канала близ Пелусия, засыпал землей пересохшее русло, после чего сумел переправить через него и подвести к городу осадные машины, а затем приступить к его штурму.

¹⁰⁸ SB. V. 8299. 21–27: в 198/7 г. до н.э. Птолемей V Эпифан осадил повстанцев в городе Ликополе, расположенном в Бусириском номе Дельты (*Calderini. Diz. s.v. Λίκων πόλις. № 2*). В тот год случился сильный разлив Нила, и река должна была по обыкновению затопить поля, поэтому царь распорядился перекрыть шлюзы рукавов и каналов во многих местах, снарядив на эту работу множество людей (*κατέσχευεν ἕκ πολλῶν τόπων ὀχυρώσας τὰ στόματα τῶν ποταμῶν, χορηγήσας εἰς αὐτὰ χρημάτων πλῆθος οἷκ ὀλίγου*). Таким образом был предупрежден нежелательный для осаждавших сход воды в долину (или осушена уже залитая территория?), и всадники и пехотинцы Птолемея V, преодолев дамбы, рвы и укрепления, захватили мятежный город.

¹⁰⁹ По сообщению Страбона (XVII. 1. 37), прибыль и убыль воды в каналах регулировалась с помощью шлюзов «механиками» (*ἀρχιτέκτονες*). О технических аспектах регулирования уровня воды в нильских

чать военный инженер Сострат Книдский, который именно таким образом «вернул и разделил» воды Нильской долины, чтобы обеспечить ПТОЛЕМЕЕВСКОМУ войску подход к Мемфису и создание у его стен плацдарма для последующего штурма города.

Согласно Лукиану, именно Сострат Книдский захватил без осады Мемфис для Птолемея с помощью поворота и разделения реки. Думаю, что было бы ошибочным интерпретировать буквально данное высказывание, *granum salis* которого – показать, насколько удачной оказалась «стратегема» искусного инженера, предопределившая исход всей военной операции. Вряд ли Сострат командовал войском Птолемея во время штурма и захвата города¹¹⁰ – на него как военного инженера должны были возлагаться другие задачи; сомнительно и то, что Мемфис был взят без осады вообще: если вместо длительной осады хорошо укрепленного города принималось решение о его штурме, то этому штурму обычно предшествовала требовавшая определенного времени техническая подготовка¹¹¹. Последняя, если обратиться к описаниям Восточного похода Александра, включала сооружение валов и насыпей, рытье подкопов и траншей, сборку и установку осадных машин и башен и т.п.¹¹² Египетские реалии вносили свое дополнение в этот перечень военно-инженерных мероприятий – затопление осажденного города, неприятельского лагеря или войска путем: отвода воды из Нила или его каналов (*Heliod. Aeth. IX. 3 sqq.*), разрушения защитных плотин и дамб (ср. *Herod. II. 99; Achill. Tat. IV. 14*), открытия или закрытия створок и шлюзов на реке или каналах (ср. *Diod. XVIII. 35*). Стесненный в средствах (осада Мемфиса могла затянуться, если у осаждавших не было флота) и времени (Клеомену мог прийти на помощь Пердикка), Птолемей предпринял штурм Мемфиса, техническую подготовку которого, по-видимому, провел Сострат Книдский, возможно, сделав «союзником» своего патрона атакующую и разрушительную силу нильской воды.

Подведем итоги исследованию. Предложенная выше реконструкция события, упоминаемого у Лукиана, вовсе не претендует на роль единственно верной. К сожалению, в нашем распоряжении нет аналогичной информации, которая бы приводилась в других источниках, поэтому любая интерпретация уникального анекдота, чьи *Quelle* до сих пор не известны, неизбежно гипотетична. Но означает ли сказанное, что всякое обращение к нему как историческому источнику заведомо бесполезно? Думаю, нет, и в своем исследовании я попытался это показать, соотнеся «мемфисский эпизод» из «Гиппия» с одним из событий эпохи распада империи Александра Македонского и первых войн диадохов (323–320 гг. до н.э.), а именно: с приходом сатрапа Птолемея в Египет и установлением им там своей власти в конце 323 г. до н.э.

Помещенная в конкретные пространственные и временные рамки и сопоставленная с данными других источников, скудная информация Лукиана, как представляется, приобретает значимость и заслуживает внимания. Во-первых, она отчасти восполняет «белые пятна» самого раннего этапа птолемеевской истории, от которого, в отличие от ее более поздних этапов, до нас дошло не так уж много письменных свидетельств, а имеющиеся – еще недостаточно изучены¹¹³. В частности, эта информация проливает

каналов в греко-римское время см. *Bonneau D. Le régime administratif de l'eau du Nil dans l'Égypte grecque. romaine et byzantine. Leiden, 1993. Passim.*

¹¹⁰ Ср. *Fraser. Ptolemaic Alexandria. II. P. 50 f. Not. 111*. Еще менее убедительным представляется комментарий И. Дройзена (ук. соч., с. 328, прим. 60) к *Luc. Hipp. 2* (а не 9, как ошибочно указано в этом издании), намекающий на командование Состратом Книдским птолемеевским флотом.

¹¹¹ См., например, описание осады и штурма Газы Александром Македонским (*Arr. Anab. II. 25. 4; 26–27*) или осады Сиены «эфиопским» царем Гидаспом (*Heliod. Aeth. IX. 2. 3 sqq.*), который «решил не томить своего войска длительным окружением и не пускать в ход осадных приспособлений... но многотрудным и неотвратимым осадным приемом решительно и быстро взять город» (цит. по: Гелиодор. Эфиопика / Пер. с древнегреч. А. Доватура. М., 1965).

¹¹² См. выше прим. 42, 43.

¹¹³ Прежде всего это касается египетских источников, более полный ввод которых в научный оборот наверняка заставит пересмотреть написанную на основе грекоязычной традиции историю Египта после

дополнительный свет на обстоятельства установления Птолемеем Лагом «господства над Египтом» (Magm. Pag. 8), указывая на далеко не мирный характер оккупации страны новым сатрапом, которому, по-видимому, пришлось вступить в вооруженный конфликт с Клеоменом из Навкратиса, закончившийся штурмом Мемфиса, и хорошо вписываясь в исторический контекст «смутной эпохи» диадохов, подтверждает, в противовес Диодору (XVIII. 14. 1–2), информацию Павсания (I. 6. 3) о том, что сатрап Птолемей «держал Египет на военном положении». Во-вторых, сообщение Лукиана о захвате Мемфиса Состратом Книдским способствует пересмотру распространенных представлений об этом персонаже птолемеевской истории как «человеке эпохи эллионов», не имеющем отношения к инженерной или архитектурной деятельности¹¹⁴. Общий фон исторической эпохи, с которой хронологически соотносится рассматриваемый эпизод, позволяет с большой степенью вероятности причислять Сострата Книдского к военным инженерам, связавшим свою карьеру с сатрапом Птолемеем по приходе того в Египет. Позже Сострат не раз демонстрировал свои таланты выдающегося архитектора и дипломата на службе у Птолемеев, но его первым деянием, обеспечившим ему блестящую карьеру в будущем, возможно, стала его помощь Птолемеем при проведении военной операции под Мемфисом. Помимо сатрапа Птолемеев и Сострата Книдского, третьим «героем» моего исследования (и это в-третьих) можно считать Нил, с которым в конечном счете оказалась связанной военно-инженерная выдумка Сострата. Именно Нил, как показывает отрывок Лукиана, мог быть и «врагом», и «другом» приходившим в Египет захватчикам – все зависело от объективных (сроки кампании, сила разлива, маршрут войска, наличие флота) и субъективных (прежде всего присутствие в войске опытных специалистов, знавших режим реки, топографию местности, секреты ирригации и использовавших эти знания в военных целях) факторов. Иными словами, великая река являлась тем «трамплином», о который либо разбивались стремившиеся в Египет завоеватели, либо, опираясь на который, они приступали к захвату страны и покорению ее сложного природного пространства.

SATRAP PTOLEMY AND SOSTRATUS OF CNIDUS: THE CAPTURE OF MEMPHIS

Yu.N. Litvinenko

The article is a continuation of the previous publication by the author (see VDI. 1998. 1. P. 152–159) dealing with an episode about the capture of Memphis by Sostratus of Cnidus through «turning and dividing» the Nile mentioned by Lucian (Hipp. 2). The first part of the study was devoted to the problem of dating of the aforesaid event, which took place, in the author's view, most probably at the end of 323 B.C., while its second (present) part is an attempt to reconstruct a historical and geographical background of the «Memphite episode».

In spite of its unique character Lucian's information is meaningful and worth of interest in case it is set in a concrete historical context and compared with another available sources. First, it makes up (at least partially) a deficiency of our knowledge about the initial period of the Ptolemaic history and testifies in favour of a suggestion that Ptolemy's occupation of Egypt according to the Babylonian «division» was far from being peaceful and easy as it is usually believed by the historians who support upon Diodorus' information concerning those events (XVIII. 14. 1–2). Second, it contributes to an idea, though questioned by P.M. Fraser and his followers, that Sostratus of Cnidus started his career under satrap Ptolemy as a military engineer and explorer of the Nile valley and probably was in charge of either crossing over the river and its canals of Ptolemy's army on its way to Memphis, or technical preparation for the assault of the city which may be based on a destroying force of the Nile waters.

Александра Македонского. В качестве лишь одного из примеров назову слабо используемую специалистами по истории птолемеевского Египта подборку египетских источников об эллинах – h²w nbwt: *Vercoutter J. Les Haou-Nebout // BIFAO. 1949. 48. P. 107–209.*

¹¹⁴ Например: *Perdrizet. Op. cit. P. 261 ss.; Fraser. Ptolemaic Alexandria. II. P. 51.*